

ЛМАЗНЫЙ КОМПАС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Аридика

18+

Аридика
Алмазный компас

«Автор»

2023

Аридника

Алмазный компас / Аридника — «Автор», 2023

Молодой пират Ник мечтает сменить свою деятельность, так как образ жизни на корабле его пугает. С одной стороны - яркая натура и непростой характер не нравятся экипажу и приносит много проблем, с другой стороны его отец - легенда и уважаемый человек среди пиратов, который стремится дать Нику безбедное будущее. Но после удивительной находки во время очередного штурма торгового судна, жизнь юноши меняется с ног на голову и он отправляется в Старый Свет: найденный компас указывает направления в удивительные места, которые открывают Нику секреты ему незнакомого и запутанного прошлого.

© Аридника, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Нерадивый матрос	5
2 глава. Отец и сын	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Аридника

Алмазный компас

Глава 1. Нерадивый матрос

Суэта, шум, смех, грубые крики, брань. Соленый бриз давал надежды на скорую высадку. Желтые улыбки выделялись на обгорелых щетинах и бородках, спутанных и кудрявых от высокой влажности. Сегодняшний день поражал необычайно приглаженной одеждой, накрахмаленными воротничками, натертыми блестящими сапожками. Хмельные удалыцы уже краснели в предвкушении твердой земли, хорошей закуски, радостных дам в пестрых одеждах... Эх, прекрасна та земля, что принадлежит пиратам. И повезло же родиться французом, имея такое прибежище, вкушая плоды своей нележкой, но прибыльной работенки!

Весь экипаж пиратского судна терпеливо наблюдал за приближающимся островом. Перебивало это терпение только радостное гоготание, споры, танцы и небольшая корабельная рутина. Напомаженный, насколько это вообще возможно для пирата, капитан, спустился с верхней палубы, чтобы направиться в каюту и снова посчитать свое добро. Его приподнятый настрой чуть было не сбил круто повернувшийся юнец, лет девятнадцати. Он крутился и прыгивал в танце под лютню. Широкие полосатые шаровары из шелка в прыжке блестели сливовыми бликами, легкая хлопковая рубашка раздувалась от ветра, бархатный пояс переливался из красного в морковный, серьги в ушах, в носу, бесчисленные груды колец на пальцах, растрепанные каштановые волосы - весь его образ играл с лучами солнца. Такого яркого франта не тяжело было заметить среди толпы угрюмых пьянчуг без утонченного французского шарма или, в целом, без единой претензии к моде. Однако, вся эта пестрая бравада никогда не спасала от раздраженного Готье Жирарда, прозванного на судне 'le tonnerre', за внезапный взрыв эмоций в любой нелепой ситуации, но среди некоторых пиратов для него было и другое прозвище, конечно, менее приятное. За закрытыми дверьми его шуточно прозвали *monsieur la diarrhée*, также за взрывной характер, но с более веселой для них ассоциацией.

- Тебе бы плетью по пятке, чтобы меньше скакал! - а вот и причина его прозвища.

- А, капитан!

Парень неловко замялся. Он недоуменно сморщил лоб - ему было непонятно отчего капитан не в настроении. Их путешествие прошло очень успешно: судно попало в нажористое, добыча была крайне приятная. Если учесть, что большинство кораблей сейчас наспиговывают оружием, то им не просто удалось выполнить свою цель, но и сберечь драгоценную пиратскую жизнь. Юнец был счастлив приплыть на остров со своим вторым успешным плаванием. Всего плаваний было пять, но много награть у них не получалось, поэтому ему доставалась незначительная часть, которой он мог покрыть свои расходы на острове, а тут будто упал золотой мешок на голову.

- Прощу простить. Мы просто... просто рады вашему удачному командованию в очередном путешествии, как же не станцевать в честь этого? Можно даже выпить кружку эля на прекрасной земле! - улыбка юноши широко натянулась, голубые глаза распахнулись. Он изобразил как лихо поднимает кружку в честь прелестнейшего капитана.

Несмотря на щетину, широкие руки, массивные татуировки, все замечали, как весело становится в любой компании, куда он присоединялся. Молодой матрос бывал неловким и боязливым по отношению к некоторым вещам, но это не умаляло его вольный характер в морских странствиях. Колкие ответы и саркастичные выпады были словно дикие стрелы, которых пираты, впрочем, очень не любили. Поэтому начало плавания у парниши было нелегким. Его пытались задеть, высмеять, поставить в неловкое положение. Однако, это продолжалось не

долго, так как он очень умело давал отпор в словесном поединке, да и капитан за него ручался: в назревающих перепалках он ставил точку и наказывал дополнительной работой всех в равной степени. В целом, на корабль юнгу взяли из-за умения перевернуть любую ситуацию в комедию, а также за знание нескольких языков. Ему пророчили место клерка. Впрочем, он помогал имеющемуся время от времени, за что тот научил его писать и читать. Во время пиршеств после морской охоты, юнец был главным украшением вечера. Все рассаживались, наполняли кружки горьким пойлом и ждали представления. В конце комнаты у стены ставили стул, наливали чего покрепче. Вся братия начинала свистеть, гудеть, но он не садился до того момента, как в трюм не заскочит капитан, и только после его появления начинались бесконечные патетичные рассказы во всех красках и со всеми возможными ругательствами о жизненных казусах пиратской и мирской жизни чудака-матроса. Пираты катились по полу от смеха, захлебывались, давились скудными яствами, били по столу, кусали кулаки. Однако, команда не понимала откуда у мальчика такое уважение к капитану, ведь многие (последнее время) очень подозрительно относились к нему и выполняемым им обязанностям. Готье позволял себе жестокость в отношении матросов и пиратов, ему не зазорно было придумать наказание и наблюдать за муками товарища. При виде него некоторые презрительно перешептывались, что наводило на мысль о возможности бунта в будущем. Однако, стоит подчеркнуть, что под его командованием «*Sirène de Crozon*», названный в честь родного города первого капитана, умершего в жестокой схватке на торговом английском судне, обогатился всего за полтора года в пять раз, то есть экипаж набил не только свои сундуки, тайники, но и сумел вложить часть награбленного в руки людей из родных земель. Не всем везло передать свои пожитки семьям в старый свет, но предприимчивая часть находила пути доставки ценного груза (иногда даже весьма законными путями). Возможно, именно страсть к хорошей добыче и ярким лоскутам наделяла юнца такому терпению к "взрывоопасному" капитану пиратского судна, кто знает.

Завидев веселую физиономию, задевшего Готье младшего матроса, он глухо прорычал что-то себе под нос и пошел дальше. Парниша лишь устало вздохнул, наевшись за все путешествие этих предосудительных маневров вдоволь, и дальше продолжил плясать, отбивая подошвой тапы под мелодии старика Лапина. Старик Лапин, когда-то гордый и презентабельного вида лейтенант, готов был никогда не сходить с любимой громадины. За преданность капитан назначил его главным боцманом, так как возраст старика не позволял ввязываться в битвы и делать тяжелую работу, поэтому основными его задачами были координировать работу матросов, распределять обязанности среди своей команды, ну и, в целом, поддерживать состояние своего морского дома. А Лапин как никто другой подходил на эту должность: его живость с хитрым прищуром, колючий юмор и бесконечные идеи дарили экипажу особый уют. Все любили старину боцмана, но всем казалось, что он тайно о чем-то сожалеет или скучает... Каждый его вечер проходит меланхолично, ведь во время ужина, вместо посещения общего застолья, он сидит на палубе, залитой золотом или багрянцем, и попивает крепкий ром, смотря куда-то в пустоту. Иногда кажется, что он плачет. Морщинки под глазами увлажняются и блестят, а жилистый старик превращается снова в того красивого лейтенанта с аристократичным профилем и подтянутым телом. Однако, товарищи в такие моменты видят только любителя выпить, да уставшего от шума работягу. Все же, в этом они, очевидно, правы.

Приближался берег, фрегат уже зашел в гавань, показались знакомые пейзажи. Плоский остров с зелеными проплешинами среди серо-охровых кусков земли. Утро давно рассеялось обеденной жарой. Плотная одежда на некоторых морях неприятно липла и охлаждала кожу из-за попутного ветра. От "припудренных" с утра лиц остались только легкие намеки на цивилизованность в виде хорошей одежды. Такие мелочи не мешали диким морским воинам заливаться детской радостью.

Свист и крики заглушались выстрелами в воздух. На борты с тяжелыми карманами насыпали счастливые юнги, у них выдался трудный месяц, поэтому им не терпелось перевести дух

и почувствовать почву под ногами. Причалив, судно спустило трап, и разгоряченный экипаж весело зашагал к пристани. Солнечный остров Роатан встречал отличной погодой. К членам команды подбегали мужички с торговыми досками, нагруженные всякой островной пакостью в виде фруктов, рыбы, статуэток, украшений и прочей неинтересной уставшим от плавания мужикам мелочью. К ним лениво подходили девицы в пестрых платьях, некоторые из матросов останавливались и поддерживали разговор, пошептавшись о чем-то, продолжали свой путь к поселению. Треть команды, осталась осматривать судно и проводить ремонтные работы. Как договаривались, оставшаяся часть команды разделилась: половина пошла пополнять провиант и обмениваться товаром, а вторая половина отдыхать. Кок и врач, однако, медлили, так как помогали оставшимся выносить раненых и заболевших во время плавания. Желающие подзаработать стояли с тележками, что очень помогало команде быстрее перенести лежащих в свое укрытие. Последними спустились капитан, старпом и штурман. Они почти всегда оставались на месте, так как следили за ходом работ и охраняли свое имущество. Хранить украденное в этом поселении они не решались. Конечно, вся команда действовала сообща, но у каждого были свои стратегии сохранения добычи. Поэтому, те, кто большую часть времени проводил за починкой корабля или в целом, кто был больше ответственен за судно, хранил добычу за пазухой. Троица решила спуститься только для осмотра состояния корабля и обсудить планы, гуляя по берегу. Конечно, они посещали поселение, особенно в случае некоторых нужд, но старались проводить там не более трех суток, что не скажешь о матросах и юнгах. Юные мореплаватели, еще не привязанные сердцем к судну, мчались тратить золотые в таверны и пабы. Только половина матросов отправилась отдыхать в лагерь или увеселительные заведения, вторая половина, включая юнг, побороли усталость и отправились сразу выполнять свои задачи на суше, то есть помогать с починкой судна и закупать необходимое для выживания в следующей вылазке.

Группа из десяти друзей: шести матросов, двух юнг, абордажника и помощника повара, который иногда также помогал плотнику, направилась в полюбившуюся им таверну (команда останавливалась на этом острове чаще, чем на Тортуге). Над дверью заведения висела коряво вырезанная вывеска "Goutte d'or". Компания ввалилась в темную комнату с тусклым источником света в виде толстых свечей на столах и со смехом уселась за массивный дубовый стол, кто-то вытер исцарапанные руки платком, кто-то примял волосы, кто-то осмотрелся. Все ждали пока глаза приспособятся к потемкам и когда придет дама с расспросами об их делах, им ужасно хотелось испробовать чего-нибудь нового, на судне под конец месяца еда не отличалась разнообразием. Вокруг них столы заполняли такие же компании пиратов. У всех был разный срок пребывания на острове, но все друг друга знали. Были замечены и новые лица, но тут больших подозрений не возникало, так как это обычно свидетельствовало об успешном морском походе и новых ценных добытых кадрах с вражеских кораблей. В основном это были молодые парни, романтизовавшие свободную пиратскую жизнь и мужички, не хотевшие умирать. Это сразу считывалось по выражениям лиц и возрасту новичков. Грязные от песка сапоги и покрасневшие лица известной нам компании быстро дали понять окружающим о недавней высадке. Поэтому добродушная братия подняла массивные стаканы и закивала.

- Неужели и Филиппинсы тут? Они отправились позже нас, дворянги несчастные, - один из матросов, лет двадцати, одетый в красные широкие брюки и элегантный серый жилет с такой же элегантной кружевной блузой, надменно покосился на стол в другом углу.

- Филиппинсы, Черный глаз, Гадюка, Бродячий Рин... Тут все, кроме чертовой служанки! - почти вскрикнул абордажник – мужчина лет сорока. На нем был черный мундир, расшитый серыми нитками, черные брюки со свисающей саблей и большая широкополая черная шляпа с серебряной лентой из муара. Его черные глаза и небольшая бородка придавали образу целостность.

Известный нам ранее юноша, резко вскочил и машинально схватился за ножны. Его уши покраснелись, синева глаз будто потухла. Он тарасился на темное лицо абордажника, мигающее красными пятнами от трясущейся свечи.

- Чего? - абордажник напрягся, но не поменял своего положения.

- Сегодня много посетителей. Пойду позову, - он глянул на него вполоборота и направился к стойкам с напитками.

- Эй, Ник! Николас? Как тебя там? - абордажник приложил руку ко лбу в попытке вспомнить прозвище.

- Называй его "Смехун-Ник"! - оголил зубы лысый матрос со шрамом на губах.

Ник вальяжно приблизился к абордажнику:

- Железный Лоу, я Николас.

- Да черт бы тебя побрал, куда бежишь? Скажи этой девке, что я бы выпил... Что вы пьете, мелочь? Ай, ладно, неси нам пива, мне добавь пунша для бодрости, хе-хе. И пригрози ей там хорошенько, чтобы знала свои обязанности. Главное, чтобы эта дура в кружки нам не плюнула! - басистый смех Лоу, взбесил Ника еще больше. Компания матросов за столом прыснули неуверенными смешками. Он круто повернулся и наткнулся на худенького парнишку с перебинтованной рукой, кучерявыми, выбивающимися во все стороны светлыми прядями, загорелой кожей и сияюще голубыми глазами. Его одежда была очень презентабельна, но и нелепа одновременно: темно синий жюстокор, белый пояс-шарф на талии с золотыми свисающими монетками, объемная блуза, плотные шаровары, лоснящиеся сапоги из светлой кожи.

Он отшатнулся и прищурил глаза:

- Ник?! Дружище, а ты похорошел! Неужто вернулся с хорошей добычей? – друзья неловко обнялись, но их лица сразу просветлели.

- Я похорошел? Хм... Нет. Нет, милоч, я всегда был хорош! Лучше бы ты не забывал, как я выгляжу. А вот ты видимо решил, что у нас тут придворный совет? Что-то не вижу тут нашего золотого Людовика. Откуда такая роскошь? Снял со старосветских щеголей? Ну да ладно. Пошли, Ив, по дороге расскажешь. Мне нужно знать откуда такой мундир!

- Господи милостливый, я ему слово, а он мне балладу! И это не мундир, деревенщина, а жюстокор! - Ив подошел с Ником к стойке, но они никого там не застали.

- Ну и ладно, у меня нет времени и желания разбираться в этих новомодных вещицах.

- Однако, мое ощущение подсказывает, что ты любишь хорошие вещицы. Глянь на эти полосатые панталоны! А серьги то поди новехонькие. Я уже слышал, что у вас была очень удачная вылазка.

- Да, они из чистого, дорогого, прекраснейшего шелка. Такого ты точно не видел, чертов франт! Прошу не зави... - резкий женский хохот прервал Ника, ближайший к нему столик что-то праздновал. - Да где же Ванесса? Она что тут больше не работает? Ее тоже потянуло в море, захотела новых юбок? Меня сейчас сожрет этот "железный змей"! Измельчит, пережует, выплюнет, высушит, труху скурит! Не могу смотреть на него, от одних глаз мурашки по телу, как от дьявола. Клянусь у него договор с морским чертом на такое отменное долголетие. Нормальный человек уже давно бы лежал на дне от любви к дракам и пьянкам как у него, желтый свищ! – Ник указал кивком на столик со своими товарищами.

- Ванесса была тут недавно, успокойся. Пошли поищем ее наверху. Так ты расскажешь мне каков улов?

Парни поднялись на второй этаж таверны. В коридоре было пять дверей, но все были закрыты, стояла тишина. Возможно, днем комнаты часто пустовали, так как пираты, каперы и прочие оборванцы развлекали себя на свежем воздухе.

- Где вообще все, черт подери?!

- Ник, я клянусь, за несколько минут до того, как с тобой столкнулся, я видел ее, подающую кружки и стаканы на столик слева от стойки. Я потом поднялся в комнату, а когда спустился наткнулся на тебя. Мне вообще нужно было спешить к своей даме.

- Знаю я твоих дам! Уж я знаю! Хвораешь ты сейчас не из-за них ли? Не жалуйся мне потом о промежуточных недугах. Я говорю, что это все от твоей любвеобильности!

- Ты меня пережевываешь хуже, чем тебя твой любимый Лоу!

- Любимый Лоу?! Извините?

- О, вот и она! Где ее вечно носит?

Бранясь, Ник сбежал по лестнице и чуть не снес бочки у одного из столов, но оглядываясь и извиняясь, он не заметил как наткнулся на Лоу.

- Чертов бес! Глупый мальчишка! Вот, эта девка! Неужели от радости отсохли последние мозги? Говорил капитану, что таких вот неженков нужно оставлять на другие нужды! - Лоу снова залился кашляющим смехом.

- Я бы тебе советовал следить за языком, у меня терпения поменьше чем у тебя...

- Осади, юнец, откуда столько смелости за пару минут? Птенчику лучше виться на земле. Хотя в нашем доме мы такими, конечно, перекусываем в голодные времена.

- Ты давно нарываешься, Лоу! Если тебя не потопила волна, то земля унесет твою грязную скотскую душу!

- Готье давно пора было это сделать, но придется взять все на себя! - с этими словами абордажник накинулся на Ника, отчего матрос машинально замахнул кулаком в лицо Лоу.

От неожиданности Лоу упал на стол, стоявший за ним. Ник, не удержав равновесие, сделал тоже самое. Конечно, под тяжестью двух взрослых мужчин, стол разлетелся в щепки. Каперы, сидевшие за ним, прыснули от злости. Кому же понравится портить такой прекрасный вечер? Они громко и нервно выругали, бьющих друг друга лица, компаньонов. Один из пострадавших гостей вылил им на головы свое драгоценное пойло, что только раззадорило дерущихся.

Прыткий Лоу отбросил навалившегося Ника и, вставши в боевую стойку, вытер чистой рубахой измазанную кровью губу. Черный взгляд наливался багровой ненавистью, но лицо нахально и беззаботно ухмылялось. Как же не хватало его дикой душе разрядки! Даже несмотря на то, что он штурмовал бригадину, буквально, четыре дня назад. Николас же хотел хорошо его проучить и, в целом, выжить. Внутри парнишки боролись злость, страсть и страх. Он был вспыльчивым, как и Лоу, но не таким конфликтным и физически слаженным, поэтому фон гнева не мешал ему рассчитывать на отступление, ведь тут у него нет шансов, если не случится чудо, при котором "железный" пират вдруг расплавится. Ник, изливаясь кровью, готов был попасть под удар снова и уже представлял, как погибнет от рук члена собственного экипажа или спасется, позорно (для пирата) удрав куда-нибудь, но перед этим с надеждой еще немного ему навалить - с этой мыслью он сжал кулаки. Но тут юнга почувствовал на руках влагу. Мельком глянув на алые струи, сочащиеся с лица на руки, юноша пошатнулся прогоняя мысли и целясь в образ Лоу, но, вместо неожиданного нападения, грузно падает, снова опрокидывая ближний стол. Лоу, конечно, силен, но он не думал, что настолько, чтобы валить молодых матросов одним взглядом - это его ужасно развеселило. Вот тут Лоуренс искренне расхохотался - никто из экипажа никогда еще не видел у него таких сверкающих глаз и не слышал такого раскатистого хохота. Темная комната с тревожным желтыми пятнами наполнилась каким-то неловким непониманием, всех будто заворожило, один абордажник раскачивался от смеха. Свечи на столах трусливо дергались, а пираты трусливо оглядывались. Лоу почувствовал небывалый прилив сил, будто впитывая свое превосходство над всем происходящим. Грязные лица пиратов на миг показались ему жалкими, помещение маленьким, шепот превратился в фоновый шум. "Как же все это глупо. Они боятся, при этом испытывая любопытство. Что же

тут преобладает?" - эта мысль таилась внутри его сердца, отбивавшего ритм победного танца. Светящийся от радости, пират круто повернулся к выходу.

На пороге таверны стоял и наблюдал массивный седой мужчина. Его жилистая рука опиралась на толстую лакированную трость, обхватившая конец трости кисть сияла золотом, сапфирами и рубинами. Тонкая рубашка, опрятные штаны с тугим кожаным ремнем и легкая обувь - образ заядлого островитянина, а, возможно даже, долгожителя этой прекрасной для мужчины обители. Трубка выдувала клубок дыма, такого же бледного и прозрачного, как его волосы под утренним светом, но прямо сейчас от света свечей образ его был раскрашен сепией и напряжением. Лоу быстро смекнул, что нынешняя ситуация противоположна его состоянию. Внутри кольнула старая боль от ножевого ранения. Черные глаза удивленно распахнулись, образ стал менее монотонным и даже похожим на нечто живое, не напоминающее готическую статую. Ему привиделось, что старик недоволен его поведением. Наверное, старого известного пирата разозлил бардак в любимом заведении. Не хотелось напороться на его руку. По правде говоря, продлилось это просветление секунду до того, как Лоу весело поприветствовал старика и попытался его приобнять. То, что произошло дальше шокировало всех присутствующих, даже непотопляемого Лоу. Мужчина у порога на его добрый жест отмахнулся, сдержанно подняв одну руку и оттянув трубку второй, перевел взгляд с Лоу на лежащего в крови Ника. Глаза его от солнца и возраста потускнели, комната мешалась с дымкой в тусклом свете, но, не смотря на это, он смог понять, что в конце комнаты лежит человек, а значит была потасовка, в которой лежачий не смог справиться в скверном споре. Пираты стали шептаться, кто-то осмелел от рома и хихикал, таверна наполнилась любопытством и нетерпением, но выдавать это было еще рано. Кажется, только Лоу не понимал в чем дело.

- Что это? - басистым голосом и со свойственным ему спокойствием, седой пират указал на лежачего юношу.

- Ничего необычного в этом не вижу, господин Фрелон. Обычный спор, законченный... ну, не очень чисто. Иногда таким мальчишкам нужна хорошая отцовская трепка. Это закаляет дисциплину, готовит... готовит к работе...

- Ты, наверняка, Лоуренс?

- Верно, капитан.

- Я знаю тебя давно. А ты, видимо, обо мне только наслышан. Возможно, это знаменательное событие и наше знакомство изменит твою жизнь, - старик хитро кивнул головой.

- Я согласен с вами, господин Фрелон, многие считают Вас фигурой для подражания. Я слышал истории о Ваших вылазках и, думаю, правда есть чему поучиться. Может, присядем и выпьем. Но, кстати, откуда вы знакомы со мной?

- В этой части острова я редко бываю. В этот раз мне нужно было кое-кого проведать, осмотреть бухты, познакомиться со свежей кровью, узнать новости старого и нового света. Я знаком с вашим судном, ты хорош в своем деле Лоу, это похвально. Готье о тебе рассказывал. И, да, конечно, я хорошо знаком с Готье, считаю, у него огромный потенциал и даже доля таланта. Не зря ведь я доверил своего сына именно ему. И проведать, сердечно заявляю, я пришел именно его.

- П-правда... Я не знал, что Ваш сын делит с нами общий дом! Поверить не могу, что узнаю об этом только сейчас!

- Это так. Я знаю, что Готье человек слова и способен выполнить все, что пообещал и все, что попрошу. Он знает, как важен этот опыт для юного сорванца, чтобы в будущем, дай Господь такую милость, он стал полноценным членом экипажа со своими четкими обязанностями. Ну да ладно... Знаешь, зрение у меня стало совсем ни к черту. Я хочу глянуть на этого провинившегося бродягу. Что же он себе позволил?

- Может сначала хорошенько выпьем? У меня не так много времени, есть несколько неотложных дел... Эй вы там! Приберите этот бардак, - Лоу говорил уверенно и без запинки, однако, тяжело описать, что творилась у него в душе.

- Я все же утолю любопытство, дружище.

Посетители уже извелись от нетерпения, страха, эйфории и количества алкоголя. Такую выдержку можно было наблюдать, наверное, только у воров, ставящих ставки и дворцовой свиты, терпящей всю эксцентричность вельмож. В таверне было итак подозрительно спокойно, но теперь стояла абсолютная тишина. Впервые за всю историю существования "Goutte d'or", кружки присутствующих стояли на столах, а пьяная свора мужиков не гоготала от восторга или недовольства. В тишине и тумане от сигар проскальзывал шепот, тихое шуршание штанов от переминающихся ног на жестких стульях.

- Я позову капитана, он будет рад вашему прибытию! – Лоу, радостный от спасительной мысли, даже не обдумал ее как следует, готов был вылететь из кабака в ту же секунду.

- Не волнуйся, он уже в пути.

- Отлично! Давно не сидели такой хорошей компанией. Служ... Ванесса, да? Ванесса, принеси нам хорошего пива для человек двенадцати. С вами еще кто-то, господин Фрелон?

- Со мной морской дух, черт или же... дьявол... - господин Фрелон тростью приподнял выющиеся темные локоны с окровавленного лица. В сердце забурлила кровь. Словно игла воткнулась в грудь. Он стиснул зубы. Слабость - это то, чего моряки лишались в первом плавании. Страх - то, что они испытывали только перед смертью. А вот ненависть и азарт - постоянные спутники, которые крепчают или ослабевают с возрастом.

Старик Фрелон был настоящим морским хищником, легендой островов Теркс и Кайкос (там он хранил свое богатство и имел поддержку местных разбойников), но после, перебравшись спустя много лет подвигов и потерь на Тортугу, передал всю бравату нажитых судов в аренду своему старому и верному товарищу, царствие ему небесное. Это обеспечило Фрелону, скромно говоря, мирскую и достаточно спокойную жизнь для пиратского роуга. Его непокорная душа, однако, оставалась такой же, как и много лет назад: неистовые посиделки в кабаках с кровавыми байками, да постоянные открытия, но теперь уже на острове, который дал ему дом. Неуловимое любопытство сдружило его с индейским местным племенем и разными пиратскими группировками. У пирата было мало врагов, а может их и вообще не осталось, ведь прошло много лет, как он решил передать флотилию из двух фрегатов, двух бригантинов и одного флейта Перрину, так как после серьезной травмы ноги и немолодого возраста, Фрелон изменил приоритеты. На новом месте он построил большой просторный дом, набитый диковинками со всего света, открыл торговую лавку, где успешно разменивал свое богатство на новые вещицы или вещицы, заработанные прошлой «должностью», обменивал на золото. Конечно, даже в таком далеко не здоровом теле, он ввязывался в споры, всякое бывало. Но был в этом мире один сдерживающий механизм, один единственный светлый, теплый луч, пробуждающий в нем другого человека. Человека, способного чувствовать, страдать, любить, скучать... Его сын. Сын, лежащий у него под ногами в багровой луже.

2 глава. Отец и сын

Над закатным свечением шныряли голодные чайки, их жадные крики сбивались в кучу и снова разобщались. С севера пришел прохладный ветер, шелестели листья, шуршала вода. Гул парусных охотников разбавлял шум какой-то глухой тоской. Не хотелось никуда идти, хотелось жить тут и сейчас. Влезть в картинку перед глазами, остановить время..,

- Я не думаю, что это хорошо кончится, – испещренное морщинами и пятнами, лицо старика задумчиво изучало розовеющий горизонт.

- Как бы то ни было, как сейчас хорошо, отец! Не будем о плохом. Ты сам мне говорил, что море - это джунгли, пираты - морские охотники. Если я просто уйду из-за одной потасовки, из-за глупого... нет, наитупейшего недопонимания, чем это для меня обернется? Позором! Я считаю так: не умеешь сталкиваться с трудностями не лезь на корабль вообще, даже не смотри в сторону океана, верно?

- Верно, сын, верно, но...

- И если каждый моряк будет убегать под грозным взглядом своего же напарника, то зачем вообще существовать морскому флоту и всему из этого производному? Зачем нам быть морскими волками, если мы хуже овец, которые не боятся ближнего своего, а послушно следуют за стадом не смотря ни на что? Кто же мы, если будем отступать из-за одного удара, из-за своей оплошности или чьей-то глупости?

- Все, что ты сейчас сказал полная бессмыслица.

- Что? Но ты же сам мне это говорил? Ты говорил, что мы - морские хищники, а море - это наш корм. Если повезет, билет в красивую жизнь! Разве это не так?!

- Я все это говорил из-за своей алчности, мой мальчик. Я думал, что тебе хватит смелости однажды скинуть с борта Готье и присвоить его армаду, которую он уже соберет к твоему двадцатилетию. Но я не вижу тех качеств в тебе, что были во мне. У тебя есть мозги, к сожалению. Родиться с рассудительным характером в этой дыре та еще забава.

- Это означает, что я хуже тебя или что мне теперь бессмысленно вообще тут находиться, просто потому, что Робер обучил меня грамоте?

- Это значит, что ты лучше нас всех. Ты не пират, я это вижу. Да ты и сам это понимаешь. Ты же сам сказал, что мечтаешь с этим покончить. Ты легко учишься, у тебя много занятных мыслей и замыслов. Твое место в старом свете, твое место – это хорошая должность и спокойная жизнь. По крайней мере, я так тебя вижу.

- Я не слабак, как ты думаешь! Я отправлюсь в еще одно плавание и точка!

- Я так не думаю.

- Ты прав, я в какой-то степени трус, верно? Меня часто пугают обычные вещи, я не очень люблю плыть в ночи. Даже птицы и странные звуки побуждают вскрикивать и подпрыгивать. Но знай, я буду стоять на своем, я докажу тебе, что я не жалкий трус, достойный сидеть в хижине и пасти скот, да выращивать морковь, как твой сосед Ангус с его тремя копейками в месяц и гниющими зубами!

- Да послушай ты меня! Я говорю о том, что ты не должен быть одним из тех ленивых и неграмотных оборванцев! К такой жизни они пришли не по зову сердца и прекрасных мечтаний. Мы были глупы, Ник! Мы хотели легких денег, у нас были свои планы. Мне повезло больше, чем моим товарищам, понимаешь?! Я смог сбежать и затеряться, избавиться от следов моего кровожадного прошлого, остальные, сам понимаешь, отправились умирать на одинокие острова и виселицы. Ты тоже хочешь всю жизнь бегать от правосудия? Будь это последнее плавание или нет, всегда есть шанс не вернуться обратно. Мы не можем предсказать своего будущего, но можем уменьшить риски быть сожженными в адском пламени! Последнее время я стал ближе к богу нашему, мой сын. Я молюсь за тебя каждый день. Ты не представляешь,

что творится в моем сердце, когда я слышу раскаты грома или выстрелы во время наших вечеров... гуляний.

- Пьянок?

- Ник.

- Говорю как есть.

- Ник, не терзай отцовскую душу. Ты знаешь, что болезнь съедает меня.

- Не говори так!

- Ник, я хочу, чтобы ты послушал меня. Я не желаю тебе такого будущего. Прости мое корыстолюбие, я не должен был отправлять тебя с ними. У тебя еще есть шанс все исправить и стать человеком, которым не был я. Не повторяй моих ошибок сын мой, я не хочу лишиться своего последнего родного человека.

Ник понурил голову, по его щекам стекали слезы. Внутри раздирало столько вопросов и ответов на них не было. Бежать было некуда и отступать тоже. Какой путь выбирать, он также не знал. Несмотря на приключения, он видел не так много в жизни, поэтому он даже не мог придумать варианты, чем ему стоит заниматься и куда податься. Ведь, в его понимании, если он останется с отцом на острове, то его уделом будет сидеть за прилавком торговой лавки отца. Молодому и энергичному пирату такая работенка казалась каторгой. Ему нравилась, но одновременно пугала вся эта дикая жизнь с разбоем, предательствами, жадностью, хладнокровием людей, но он знал, что на корабле он занимает определенное место и вносит вклад в общее дело. Ник командный игрок, поэтому веселить товарищей, делить добычу с друзьями, мечтать и придумывать шалости, разбавляя обстановку на судне - было его любимой частью работы, лишившись всего этого, он считал, что потеряет свою суть и однажды сам превратится в болеющего старика. Конечно, он понимал, что и на острове сможет найти себе друзей, но будет ли его пребывание там также занятно? Ник сомневался.

- Я хочу подумать на счет всего, что ты мне сказал. Это трудно решить сейчас.

- Здраво рассуждаешь. Хорошо, обдумай все и реши.

- Ты ведь никогда ничего особо не обдумывал, правда? - Ник вытер слезы и лукаво улыбнулся.

- Я ставил действия превыше мыслей. Мысли меня... тормозили. - Старик задумчиво посмеялся.

- Наверное, я в мать.

Лицо Фрелона немедленно окаменело в недовольном выражении.

- Расскажи мне о ней, ты так редко об этом говоришь. Я почти ничего не знаю, это нечестно.

- Может, потому что не всем приятно упоминать имя усопшего.

- Это ведь неплохо, она бы хотела, чтобы я знал о ней больше.

- Покуда ты знаешь?

- Я знаю. Ты чего-то стыдишься, отец? Не убегай от этого разговора как обычно.

- Пошли уже холодеет.

- Отец!

- Нет, сын! Ты... Хорошо! Хорошо, раз ты так желаешь, - оперевшись на трость, он медленно поднялся и недовольно уставился куда-то в сторону, нервно теребя набалдашник. - Знаешь, твоя мать бросила тебя. Прежде, чем умереть она жила несколько лет без тебя. Она плохой человек.

Фрелон поспешно замахал головой:

- Нет, нет, я тоже, конечно, не ангел. Но разве такие люди стоят упоминания? Я не очень люблю вспоминать о плохих людях, и тебе не стоит.

- До этого ты говорил по-другому: она умерла чуть ли не при родах, потом ты сказал она умерла сразу после того, как решила уйти, - Ник оглядел его с сомнением и неприязнью.

Поднялся и встал перед ним очень близко. – Так что же с ней действительно случилось? Раньше я списывал это на твою вечную нетрезвость... Ты не сможешь оболгать меня опять. Я знаю, что ты хочешь видеть меня рядом, ведь ты ужасно слаб. Но нужно уже понять, что дурить двадцатилетнего сложнее, чем ребенка. И сам ты являешься ли достойным человеком, каким себя считаешь?

- Нет, не считаю и никогда не считал. Ты можешь делать все, что хочешь, и дело совсем не в моей слабости. Ты мой единственный сын - вот, что я пытаюсь до тебя донести. Ты продолжение меня. Можешь меня презирать, но уважай, пожалуйста, себя. И, если человек плохо поступил с тобой, признай, что для тебя этот человек плохой.

- У меня чувство, что моя мать не была плохим человеком. Ты просто пытаешься что-то скрыть.

- Знаю, не один мальчишка не захочет услышать плохие вещи о своей матери. Я любил свою мать, но она рано ушла и мне пришлось забыть свою чувствительность, забыть любовь, пока не появился ты. Теперь ты мне заменяешь всех и никого мне больше не надо, - он хрипло заплакал и сжал переносицу.

Ник положил руку ему на плечо: "Опять давишь на жалость, старик... Ладно, мы поговорим обо всем позже. Может тебе стоит жениться? Будет кому заботиться о твоём здоровье, пока я не дома."

- Это унижительно! Да и кто же захочет быть с таким древним? Целыми днями мести с меня пыль да ошметки сала. Утомительное занятие. Это напомнило мне время, когда моя мать купала своего старика в жестяной ванне, жуть какая. Если я опущусь до состояния моржа, утопи меня в такой ванне.

- Что? Нет! Ты в самом лучшем возрасте! Отдыхай да веселись. Тебя всегда окружают твои приятели, у тебя отличный дом, лавка и ты всегда был заслуженным моряком. И старение - это неплохо, ты стал умнее, чем в прошлом году.

- Так. - Отец Ника резко остановился и треснул его тростью.

- Все, я понял, я понял. - Ник хохоча отшатнулся и неуклюже завалил руку на плечо отца.

Обнявшись, отец и сын направились в мельгешащий городок, чтобы выпить по чашечке чего покрепче, обсудить экипаж, новости и, конечно же, поспорить.

Закат же обжигал траву, плавил облака. Не нравилось это снаряженным корсарам: завтра будет не лучшая погода для отплытия. Вода завораживающе шипела, переливаясь блеском солнца и небесной лавы. Бесноватые грязные детишки местных шансоньеток весело убегали во все стороны, стремясь быть ближе к воде. Скалистые холмы и камни отбивали их крики и наполняли местность, давно не ощущавшейся во взрослом и порочном мире, непринужденностью, легкостью. В этот вечер все почувствовали внутри наивную безмятежность, кому-то пришло вдохновение, а кто-то снова словил надежду на выход из тяжелой реальности. Только у Ника на душе было не просто: беспокоила не только профессиональная неопределенность, но и разговор с отцом. Не хотелось винить его за все, ведь он единственный ему родной человек, хотелось забыть обиду и поверить на слово, но не получалось.

Как и любой флибустьер, отец Ника обладал прыткостью и хитростью – это помогало им выживать. В настоящее же время его навык заметно ухудшился, не вторую роль сыграло увлечение алкоголем. Фрелона пугало, что Ник начал это замечать. Он сильно сожалел, что не продумал ответ. Но теперь уже было поздно, оставалось только отвлекать его темами о корабельных заботах и о девушках, то есть именно тем, что сына интересовало меньше всего.

Они дошли до известной им уже таверны и сели ближе к окну. Не успев допить и половины кружки, Фрелон стал шумно приветствовать знакомых и незнакомых мужчин, подходящих к их столу и весело протягивавших руку. Как только пара его приятелей пододвинули стулья, подсев к ним, Ник поспешно встал, извинился, сделав вид, что увидел кого-то из своих знакомых и пошел здороваться с подругой второй раз за день.

Прислонившись к тапруму, Ник немного съежился, чтобы не задеть рядом стоящих амбалов, и терпеливо ждал своей очереди послушать сплетни или излить душу. Освободившаяся Ванесса кивнула куда-то в зал:

- Конрад на тебя посматривает.

- Он всегда смотрит на меня как на должника. Что он хочет? Чтобы я выплатил ему репарации за то, что просто знаком с ним?

- Я думала вы в очень... Кхм, тесных отношениях. Вы были дружны, как я помню.

- Недостаточно тесных, чтобы смотреть на меня таким требующим взглядом! – Ник возмущенно выпучил глаза и отстранился ладонями от возникшей перед ним мысли. - Кто он? Сборщик налогов? Или надзиратель?

- Он хочет быть ближе. Я думаю это хорошо, у тебя будут союзники. В море нужны друзья. Да и на острове они не лишние. Глянь на своего отца, всегда есть кому его встретить.

- Ты права. Но называть этого усача другом нет желания.

- Называй его по имени, этого достаточно. И усы его мне нравятся.

- Мне они нравятся на красивых лицах.

- Ник, он не так плох.

- Ладно, главное, чтобы все эти портовые красавцы были подальше от меня, – он брезгливо оглядел ближайшие столики. - Меня пугает осознание, как много в этой части света мужчин. Все просто забито ими!

- Понимаю. Моим подругам нравится такой расклад, столько внимания от изголодавшихся вниманием разбойников, с забытыми золотом карманами, а душа вся сгнила от попоек... Извини, ты к ним, конечно, не относишься.

- И слава господу за это!

- Верно, но... Твой отец знает про... про твои предпочтения?

- Не обязательно ему все обо мне знать, – Ник сконфуженно почесал щетину и потупил взгляд. - Хотя иногда мне от этого дурно, он моя семья и мне не хочется скрывать многие вещи, но и шокировать его тоже не хочется. Лучшее разрешение ситуации в данном случае - молчание.

- И он не намекал на невесту и внуков?

- Морские охотники женятся на море, он это знает. Он даже сказал одну красивую фразу, что-то вроде: «Наши семьи - это корабль, экипаж и вечный голод, и вечная охота»... Кстати, пока я лежал в отцовской хижине, меня просто ужасно мучал вопрос: когда Лоу, этот трус недоделанный, вернется обратно в порт? Я готов с ним поговорить. Знаю, что глупо, наверное, разговаривать с таким маргинальным, диким как вепрь толстолобом, но его нужно... Его необходимо! Вразумить перед отплытием о том, что нам придется делить один дом на время вылазки, так сказать. Но, если он не согласится на это, то кому-то из нас придется покинуть службу или смириться...

- Что?!

- Да, да, я знаю, это не похоже на меня. Я не сумасшедший, чтобы прощать его! Если ты нарушил мое доверие, просто, хотя бы, залез в мое пространство - тебе не сдобровать. Это всегда так было, я не забываю об этом. Я знаю себя. Но, думаю, это последнее мое, такого рода, плавание. Я подумываю уже, так сказать, завязывать узлы этой части моей жизни. Не хочется заканчивать на плохой ноте...

- Господи, да о чем ты вообще говоришь?! – Ванесса застыла с наполненными кружками в руках.

- Да, я не буду больше привозить тебе горшки патоки и бутылки с ромом, но зато мы будем чаще видеться. Может, я займусь чем-нибудь тут. Хотя кто знает, может я и откажусь от этой мысли в этот раз...

- Он же мертв

- Что? Кто? Подожди... Подожди...

- Тебе не сказали?

- Отец сказал, что он уехал к своей женушке в соседнюю деревню. Я был уверен, что он уехал пьянствовать дальше со своей командой балбесов и головорезов. Какое существо в своем уме выйдет за такого? Я даже представить не могу. Женушка? Нет, это точно не поездка к женушке. Такие как он только и умеют, что пить да бить. Ах да, и бежать от ответственности. Но как? Как он умер? В дороге? Не удивлюсь если он полез кулаками на своих собутыльников.

- А ты не догадываешься?

- Нет... Я боюсь даже представить. Даже его лицо представлять не хочу. Эти страшные желтые глаза, такие же, как и его зубы. Боже прости, про мертвецов нельзя говорить такие вещи

- Ты, правда, не знаешь? Он тебе не рассказал? – Ванесса аккуратно указала пальцем на Фрелона.

- Только не говори, что...

- Ник, послушай, для пирата это почти, что лишний раз перебраться с выпивкой. То есть, подобное, в основном, и случается после перебора с выпивкой. Пирату, особенно матерому, это ничего не стоит, особенно, если кто-то посягает на, то, что ему дорого. Ну или выгодно...

- Я не верю. Я поверить не могу.

- Я поверить не могу, что он тебе не сказал! Два морских волка хранят свои темные секреты друг от друга, да? – Ванесса мяла тряпку, ее взгляд пронизательно изучал отца Ника. У того покраснело лицо от беззаботного смеха, что не помешало ему почувствовать чье-то любопытство. Столкнувшись взглядом со стариком, она моментально нашла тряпке применение и начала протирать бочку на столе, переводя внимание на Ника.

- Как он это сделал? – недоуменно, и, почти вскрикивая, спросил Ник

- Подошел и ударил его, вытащил тут на задний двор и, когда Лоу пришел в себя, застрелил.

- Стой! Все хватит! – Ник заткнул уши ладонями и покачал головой. – У меня уже голова ходуном от всего услышанного сегодня.

- Мне все же продолжать?

- Да, говори быстрее пока меня не стошнило!

- Тот перед смертью пытался успокоить его, но твой отец был слишком зол. Пока ты лежал без сознания, его похоронили.

- Как же ужасно!

- Да что ты говоришь?! Живешь среди убийц и тебе ужасно слышать это?

- Я стараюсь прятаться в трюме или занимать себя в это время чем-то не связанным с боем.

- Но добычу вы делите одинаково.

- Мне должны платить гонорар просто за то, что я вообще нашел смелость там появиться. Просто за желание там находиться. Ну и, конечно, за отличный юмор, за красоту, – Ник будто пересчитывал указательным пальцем все свои плюсы, горделиво хлопая ресницами. - За вкус, за великолепие моей души. Моей сути. За лучшие песни. За лучшие танцы.

От этой тирады Ванессу спасла партия томимых жаждой гуляк. Ник замолчал и снова смущенно ждал продолжения разговора, пока подруга разливала в стаканы их любимый грог.

Только они отошли, Ванесса сразу перехватила вожжи в свои руки:

- Так тебе рассказывать, что было дальше или ты продолжишь тявкать?

- Что? – Ник преувеличенно возмутился, но сразу сменил выражение лица на безучастное. – Ладно, да.

- Дядюшка Кристоф прочитал молитву, твои компаньоны, с которыми ты тут сидел вчера, сказали несколько речей. В целом, это все. Капитану, я слышала, тоже все доложили. Реакции пока никакой не было.

- Поверь мне, никакой и не будет. Всем глубоко плевать, ведь его доля осталась на корабле. У него не было привычки носить все с собой. Глупый Лоу! Ой, прости господи, просто вылетело.

- Откуда ты знаешь? – Ванесса хитро прищурилась

- Потому что это второй раз, когда он покинул капитана на момент высадки. И каждый раз ему не хватало на выпивку или какую-нибудь ерунду у торговцев. Тут два варианта: он нещадно все тратил, терял, либо все прятал в каюте. Да, ненадежно. Да, глупый. Черт подери! Я, честно, стараюсь не гневить его душу.

- Почему же отец все это от тебя скрывал?

- Возможно, потому что сказал, что завязал со всем этим и хочет мирскую праведную жизнь. Он сказал, что глубоко верует!

- Они все так говорят. Но я замечала, что веруют они только в наживу и наказание. – Ванесса агрессивно натирала бокалы и сочувствующе смотрела, как Ник хватается за голову.

- Я разочарован... Однако, не удивлен. Последнее время он часто мне врет, – он устало вздохнул. - Сколько он еще скрывает от меня? Это невыносимо!

- Ник, его тоже можно понять. Случись что-то с моим сыном, я бы поступила также. А я ведь даже не знаю, как в руке держать оружие.

- Могу научить. – Он встрепенулся и радостно похлопал по столу.

- Было бы хорошо, смогу отбиваться от этих мерзких рож.

- Нет, ты будешь отбиваться от вражеского экипажа. – Ник ухмыльнулся.

- Не поняла. – Ванесса недоуменно нахмурилась.

- Поплывешь со мной!

- С ума сошел, – Ванесса, улыбаясь, покачала головой и начала расставлять бокалы на полку.

- Тебе не нравится эта работа. Ты мне рассказывала, я помню, – Ник наклонился ближе и широко заулыбался. - А там мы будем вместе и нам будет весело! Мы танцуем, поем песни. Я устраиваю вечер шуток, все напиваются и можно наблюдать как все эти пролоты превращаются в животных. Достаточно смешно. В целом, я все это устраиваю только ради смеха над ними. Ну и перепадает мне после представления не мало. Кто-то жертвует золотыми, а кто подружелюбнее, лишним куском мяса или бисквитом.

- Мой хороший, я вижу такую картину каждый день. И, поверь, мне не смешно.

- Ну, пожалуйста! Без тебя мне так одиноко. Не хватает наших с тобой перешептываний и прогулок.

- Я не знаю, Ник.

- Знаешь ли ты вообще, что хочешь от этой жизни?

- Ты же понимаешь, я никогда не видела другую жизнь. Да, мне хотелось бы испытать приключение. Иногда я тебе даже завидую. Но я знаю, что все не так, как многим кажется. Находиться среди жестоких мужиков, которые одним взглядом истязают душу... Нет, Ник, я от этого устала.

- Я тоже. Мне бывает ужасно страшно.

- Утром ты говорил, что хочешь оставить все это. Но теперь предлагаешь плыть с тобой. Я тебя не пойму.

- Да. Иногда мне все это нравится, но жестокость и грязь... я живу с этим. Живу так уже три года и не могу к этому привыкнуть. Мне нравится представлять, что я капитан корабля и на нем нет всех этих страшных людей. Только я, ты, отец, наши друзья. И мы просто плывем в красивые места, много смеемся, едим, весело проводим время.

- Это невозможно.

- Я знаю, но верю, что все может быть по-другому. Знаю, что есть какое-то спасение. Должно быть.

- Хочу сбежать отсюда. – Ванесса устало закрыла лицо рукой и остановилась.

- Это возможно. Пожалуйста, не падай духом! Мы что-нибудь придумаем! О-о-о, я придумал парочку планов! Надо все хорошо рассчитать и все получится. Корабль удерживает в открытом море командная работа, и мы свою жизнь поведем в нужном направлении вместе. Если тяжело одному, то хорошая команда все упростит. А мы с тобой команда. Подумай, сколько лет мы дружим, столько же выручаем друг друга. А сейчас как раз тот момент, когда мы оба в удручающем положении.

- Хорошо, я плыву с тобой. Но...

- Все, набивай сумки. Завтра встретимся у реки рядом с большим камнем. Помнишь?

- Любимое место, где мы играли? – Ванесса с умилением взглянула на друга. - Да... Мне нравилась еще заброшенная хижина в устье той тонкой реки, что южнее.

- Ты редко со мной ходила туда, обычно со своими подружками. – Ник претенциозно закатил глаза.

- Ну, извини, ты боялся змей!

- Ах, отец говорил, что там все кишит змеями! – От его крика почти все в таверне повернулись в их сторону, кроме несколько столиков, включая тот, где сидел Фрелон. Он был разгорячен разговором с приятелями, которых становилось за столом больше с каждой кружкой рома.

- Он всегда о тебе беспокоился, это так мило. Не то что мои...

- Дорогая, это не соревнование. Твои не убивают из-за тебя людей. Каким бы Лоу не был, я не поощряю поступок отца. Да и не стоит так опираться на их отношение к тебе, сейчас о тебе беспокоимся мы все. Без тебя бы это место было бессмысленным. По крайней мере, для меня.

- Ник, я не смогу объяснить, как благодарна тебе. Ты мой брат, которого у меня никогда не было, ты заменяешь мне семью, – золотые блики от свечей засверкали в уголках глаз Ванессы. Она крепко обняла Ника, несмотря на косые взгляды другой служанки, подошедшей озвучить заказ, и посетителей за ближними к ним столиками.

- Хватит, я не хочу тут плакать! – Ник смеялся и заливался слезами, одновременно стирая их пальцами.

- Теперь ты понимаешь, почему я так раздражалась, когда ты каждый раз отплывал. Мне остаться без тебя.

- Да, но теперь...

- Теперь из-за твоих идей мне еще страшней. – Ванесса снова принялась за работу, но уже в хорошем настроении.

- Не беспокойся, у меня появилось еще несколько. Расскажу завтра. Запомни, мы выберемся из этой дыры. Даю слово грозного флибустьера! – он горделиво подкинул кинжал в воздухе и громко воткнул в стол, рыча от радости.

- Господь праведный! – Ванесса закатила глаза и шлепнула Ника по руке.

- Николас-с! – Фрелон шатаясь встал, на ходу пожимая руки поддатой компании. – На выход.

- Завтра у камня, не забудь. Приходи перед работой.

Пока Ник тащил отца до хижины, успел начаться ливень, стало еще тяжелее передвигаться по этой грязи. Ближе к дому старик совсем отяжелел. Ник понял, что тот уснул и немедленно выругался. Черти, морские чудища были упомянуты, и никто не забыт.

Шум ливня бился в окно и ветки царапали ограду. Содрогались ставни. Сердца флибустьеров инстинктивно стучали, и судорожные вошканья в домах и тавернах нагоняли тревогу. Страшно было представить лица тех, кто вышел сегодня в море.

Но гнев Ника был страшнее, он ужасно не любил видеть отца в таком состоянии. В детстве это его пугало, сейчас же вызывало злость. Было вполне очевидно, что исправлять отцовский недуг было поздно. Хотелось ему в такие моменты сжечь весь алкоголь на этом свете.

Однако, единственный способ борьбы со всем было смирение – так он решил спустя двадцать лет ругани, драк и угроз. Упрямого старого бандита ничего не пробивало. «Наверное, это и сделало его таким живучим, страшно представить насколько живучим и сильным он бы был, не имея зависимости от этого яда», - так рассуждал Ник, таща на себе груз уходящего дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.